

Полемика вокруг юрисдикции Константинопольского патриархата над православной диаспорой в первой половине XX века и её итоги

Аннотация. Одной из центральных задач, стоящих перед мировым православием, остаётся необходимость урегулирования канонического статуса православной диаспоры. Прошедший в 2016 году Критский собор принял соответствующий документ, в котором вновь было отмечено стремление всех православных церквей «решить проблему диаспоры и её устройства согласно православной экклесиологии, канонической традиции и практике Православной Церкви». Попытки компромиссной модели, способной примирить конкурирующие подходы

разных православных церквей, ведутся уже давно. Однако всё меньше внимания уделяется тому, что навязываемое Константинопольской Церковью решение имеет абсолютно произвольный характер. На протяжении всего XX века подводящая под это решение теоретическая база многократно оспаривалась как псевдоканоническая. При этом понятно, что любой консенсус, в основу которого будут положены лжебогословские предпосылки, окажется обречённым на провал. Настоящая статья призвана в очередной раз показать, что позиция Константинопольской Церкви, будучи неоднократно опровергнутой, не может использоваться при выработке соответствующего канонической традиции решения проблемы диаспоры.

Ключевые слова: православная диаспора, экстерриториальная юрисдикция, первенство, равноправие автокефальных церквей, 28 правило Халкидонского собора, С.В. Троицкий, протопр. А. Шмеман, протопр. И. Мейендорф, лжебогословие, восточный папизм

Pavel V. Ermilov

The Controversy on the Jurisdiction of the Patriarchate of Constantinople over the Orthodox Diaspora in the First Half of the 20th Century and its Outcome

Abstract. One of the crucial challenges facing the Orthodox world is the necessity to regulate the canonical status of the Orthodox diaspora. The Council on Crete, held in 2016, accepted a relevant document and stated the willingness of all Orthodox Churches “to resolve the problem of the Orthodox diaspora and its organization in accordance with Orthodox ecclesiology, and the canonical tradition and practice of the Orthodox Church”. A model of a compromise that could reconcile the competing approaches of various Orthodox Churches has been long searched for. However, less and less attention is paid to the fact that the theory imposed by the Church of Constantinople is purely arbitrary and devoid of any solid reasons. Throughout the 20th century, it has been more than once challenged as pseudo-canonical. It is clear that any consensus based on erroneous theological assumptions will be leading to failure. This article is intended to show that the repeatedly refuted approach of the Church of Constantinople cannot help in formulating a truly canonical decision of the problem of diaspora.

Key words: Orthodox diaspora, Extraterritorial jurisdiction, Primacy, Equality of rights of autocephalous Churches, 28th canon of the Council of Chalcedon, Sergey Troitsky, Fr. Alexander Schmemmann, Fr. John Meyendorff, Pseudo-theology, Eastern popery

Ермилов Павел Валерьевич – кандидат исторических наук, заведующий лабораторией исследований церковных институций, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет; г. Москва, ул. Новокузнецкая, 23Б; pavel_ermilov@mail.ru

Pavel V. Ermilov – PhD (History), Head of the Ecclesiastical Institutions Research Laboratory, St. Tikhon’s University; 23B Novokuznetskaya st., Moscow, Russia; pavel_ermilov@mail.ru

В начале XX века в греческой церковной среде активно заговорили о необходимости упорядочить практику направления клириков на разрастающиеся зарубежные приходы. Проблема состояла в том, что греческие этнические общины в диаспоре окормлялись священниками разных юрисдикций, что затрудняло выстраивание организованной церковной работы в эмиграции. В 1907 году Константинопольская Церковь выступила с проектом подчинения ей всех зарубежных греческих приходов с оставлением права остальным греческим церквям направлять клириков в другие страны после согласования их назначения с Константинопольским патриархом [Bartas, 1908, 54–55].

В том же году в официальном издании патриархата вышла статья архимандрита Григория Зигавиноса «О православных Церквях и приходах в диаспоре» [Ζηγαβηνός, 1907]. Автор, бывший некогда преподавателем канонического права в Халкинской богословской школе, взялся предложить основанное на канонической традиции решение вопроса об управлении православной диаспорой. Однако он не ограничивался одними греческими приходами, о которых до того момента только и шла речь, но заявил, что вообще все православные общины в диаспоре «по канонам находятся в патриаршей юрисдикции святейшего и апостольского престола Константинопольской Церкви, будь то греческие, будь то русские, сербские или румынские» [Ζηγαβηνός, 1907, 88]. Столь неожиданное утверждение автор возводил к некоему базовому церковноправовому принципу, согласно которому «Константинопольский престол по несомненному каноническому и закреплённому в практике праву имеет патриаршую власть и юрисдикцию во всех государствах средней и южной Европы, в Англии, в Северной и Южной Америке и в Австралии; имеет повсюду, вне границ ранее установленных церковных областей и юрисдикций» [Ζηγαβηνός, 1907, 87].

В подтверждение заявленного принципа архимандрит Григорий приволил два аргумента. Первый из них отсылал к 28-му правилу IV Вселенского собора:

«Предоставленное IV святым Вселенским собором 28-м священным его канонам апостольскому и святейшему престолу Константинопольской Церкви каноническое право его патриаршей юрисдикции и власти поставления епископов вне и за пределами границ всех остальных митрополий и Божских Церквей (ἐξω καὶ πέραν τῶν ὀρίων ὄλων τῶν ἄλλων μητροπόλεων καὶ ἐκκλησιῶν) является поистине законным и несомненным, доказательством чему служит то, что никогда за все прошедшие века никакая другая святая Божия Церковь не выступала ни с каким возражением» [Ζηγαβηνός, 1907, 87].

В названном правиле область юрисдикции Константинопольского патриарха, как известно, чётко ограничена правом поставления «епископов *вышеназванных* диоцезов у иноплеменников» (τοὺς ἐν τοῖς βαρβαρικοῖς ἐπισκόπους τῶν προειρημένων διοικήσεων). Есть все основания считать, – как делал, например, В.В. Болотов [Болотов, 2002, 241], а после него и другие ориентирующиеся на него исследователи [Шпиллер, 2002, 184; Скурат, 1989, 61; Дымша, 1990, 111; Кузенков, 2014, 34], – что речь идёт о других народах, по разным причинам оседавших на территории Малой Азии¹. Позднейшая традиция толкования данного правила явным образом отступала от его буквального смысла, распространяя юрисдикцию столичного иерарха на соседние с упомянутыми диоцезами области, о чём в каноне вовсе не говорится². Но даже и в таком неоправданно расширительном понимании 28-го правила юрисдикция Константинопольского патриарха всё равно ограничивалась соседними областями, в чём можно убедиться путём обращения к ставшим классическими комментариям Зонары, Вальсамона и Аристина, а также авторитетным правовым сборникам, таким, например, как Синтагма Матфея Властаря [Σύνταγμα, 1859, 257] или Пидалион [Πηδάλιον, 1886, 175]. То же самое касается расширения области юрисдикции Константинопольской Церкви до целой «Барбарии» в русских памятниках XVI–XVII веков, под которой, тем не менее, понимались не вообще все «варварские земли», но вполне ограниченный их круг [Неменский, 2010, 18]. Но вопреки даже такой линии расширительного прочтения 28-го правила, архимандрит Григорий грубо искажал его смысл, утверждая, что Вселенский собор будто бы предоставил Константинопольской Церкви право поставлять епископов вне границ

вообще *всех* церквей, простирая тем самым её юрисдикцию на всю совокупность ничейных территорий.

Второй аргумент греческого канониста был ещё более произвольным. По утверждению автора статьи, земли, входившие ранее в область Римского епископа, после его отпадения от православной церкви перешли под власть Константинопольского патриарха:

«После отпадения в ересь и раскол римской папистской Церкви от православной Восточной Церкви и после отделения от неё многоглавой еретической гидры протестантизма, апостольский престол святейшей Константинопольской Церкви оказался более ничем не связанным и, основываясь на своём каноническом праве и бесспорной церковной практике столь многих веков, вправе «иметь власть», то есть расширить свою патриаршую юрисдикцию и на все земли, в которых не существует канонической церковной юрисдикции и власти другой православной Церкви»[Ζηγαβηνός, 1907, 87].

Нет нужды объяснять, что приведённое рассуждение имеет весьма далёкое отношение к строгой канонической аргументации. Впрочем, автору хватило и этих «несомненных истин» (ἀναμφισβήτητοι ἀλήθεια), как он сам их поименовал, для того, чтобы далее заявить, что «диаспора различных народов не является чистым полем или поприщем для церковного или национального тщеславия и соперничества, но вся эта так называемая диаспора по канонам и на практике определена как церковная юрисдикция вселенского Константинопольского патриарха» [Ζηγαβηνός, 1907, 90]. По этой причине учреждение автокефальными церквями зарубежных приходов кроме посольских церквей следует, по его мнению, рассматривать как «вторжение в чужую церковную юрисдикцию святейшего престола Константинопольской Церкви» [Ζηγαβηνός, 1907, 88].

Несмотря на представленный уровень аргументации, идея об исключительном праве Константинопольской Церкви простирает свою власть за пределы собственной канонической территории вскоре легла в основу официального документа этой церкви – томаса 1908 года о передаче зарубежных греческих приходов во временное управление Элладской Церкви. В нём говорилось:

«Очевидно, что ни возведённая нашим патриаршием престолом в статус автокефальной с чётко определёнными границами святейшая Церковь Греции, ни иная какая Церковь или престол не могли по канонам простирает свою власть за пределы своей области, за исключением нашего святейшего апостольского и патриаршего Вселенского Престола, справедливо уполномоченного осуществлять верховное духовное попечение над названными зарубежными церквями как на основании предоставленной ему привилегии поставлять епископов в землях иноплеменников, а значит за пределами установленных церковных областей, так и на основании его преимуществ (ἀπὸ τῶν ἁγιοῦ προεβείων)» [Ἐκκλησιαστικὴ ἀλήθεια, 1908, 181].

Как видно, аргументация от 28-го правила IV Вселенского собора усиливалась на этот раз ссылкой на «преимущества» Константинопольской Церкви, без всякого пояснения, что в данном случае имеется в виду. В России в то время подобные претензии с греческой стороны были встречены как очередное проявление «восточного папизма», а привлечение 28-го правила Халкидонского собора в качестве аргумента воспринималось не иначе как «курьёз»³.

Тем не менее, в принципиально изменившихся условиях начала 1920-х годов Фанар перешёл от слов к делу и повёл агрессивную программу по подчинению себе всей православной диаспоры. В марте 1922 года Константинопольской Церковью был издан акт об отмене томаса 1908 года, в котором объявлялось о «восстановлении её полных канонических кириархальных прав на непосредственное наблюдение и управление всеми без исключения православными приходами в Европе, Америке и других местах, находящихся вне пределов каждой отдельной Автокефальной Церкви» [Ἐκκλησιαστικὴ ἀλήθεια, 1922, 130]. В качестве обоснования таких неслыханных претензий в документе приводились ссылки на некое «неотъемлемое право святой Великой Христовой Церкви независимо управлять и распоряжаться подобающей ей по священным канонам и церковному установлению канонической властью, в которую входит и церковное наблюдение над православными приходами

за рубежом и в диаспоре», а также на какие-то неназванные «священные каноны» и не менее мифический «церковный порядок» (ἐκκλησιαστικὴ τάξις).

Время от времени в официальном издании Константинопольской патриархии вновь повторялись утверждения об исключительном праве лишь одной этой церкви на диаспору, но дальше неуместной отсылки к 28-му правилу Халкидонского собора дело, как обычно, не заходило⁴. Митрополит Каллиник Деликанис, один из ведущих экспертов Константинопольского патриархата того времени, посвятил данной теме целое «каноническое исследование», но вся предложенная им аргументация как и прежде свелась к обыгрыванию всё того же правила Халкидонского собора. При этом автор совершал привычный подлог, утверждая, что 28 правило включает в юрисдикцию Константинополя «все земли иноплеменников»:

«Своим 28-м каноном этот собор, подтверждая определение II Вселенского собора о Константинопольской Церкви “потому что он есть Новый Рим”, определяет её юрисдикцию над Понтийским, Фракийским и Асийским диоцезами, равно как и над всеми землями иноплеменников или, как мы бы сказали сейчас, над всеми Церквями в диаспоре. И так на веки вечные были определены Вселенскими соборами границы юрисдикции пяти патриарших престолов: Рима – Западная и Центральная Европа, Константинополя – Понтийский, Фракийский, Асийский диоцезы и Церкви в диаспоре, Александрии – Египет, Ливия и Пентаполь, Антиохии – Сирия, Киликия, Финикия, Аравия, Месопотамия и восточные епархии за её границами, Иерусалима – три Палестины» [Ἐκκλησιαστικὴ ἀλήθεια, 1923, 20].

Поскольку отступление от прямого смысла канонов в заявлениях и действиях Константинопольской Церкви было настолько очевидным, в официальное употребление была введена специальная формула, призванная хоть как-то скрасить чинимое насилие над церковноправовой традицией. Повсюду в документах спорные утверждения стали сопровождаться фразой «согласно канонам, как они истолковываются в практике Вселенского Патриархата» (ὡς οὗτοί εἰσιν ἡρμηνευμένοι ἐν τῇ πράξει τοῦ Οἰκουμένηκοῦ Πατριαρχείου)⁵. Тем самым представители Константинопольской Церкви открыто признавали, что их интерпретация церковных правил отступала от общепринятой.

В 1923 году Константинопольский патриарх Мелетий IV попытался вынести вопрос о каноническом статусе диаспоры на обсуждение проходившего в Константинополе т. н. «Всеправославного конгресса». В своём выступлении он прямым текстом отказывал православным церквям в праве учреждения церковных областей даже в тех местах, где они вели активную миссионерскую деятельность: «Совершенно исключено, чтобы Церковь, проповедавшая Слово Божие через свою миссию среди нехристианских народов, образовывала бы из них Церковь, как это произошло в Японии или Китае» [Viscuso, 2006, 162]. Патриарх говорил, что существование параллельных юрисдикций в диаспоре затрудняет православное свидетельство и создаёт почву для конкуренции, а потому предлагал подчинять епископов в диаспоре экзархам Константинопольского патриарха с сохранением национальных автономий. Для того времени предложенный проект выглядел вполне осмысленным – и более того уже отчасти опробованным Русской Церковью на территории Северной Америки, – но его слабым местом оставалась неясность того, на каком основании возглавлять церкви в диаспоре должен был именно иерарх Константинопольского патриархата. Единственным аргументом патриарха Мелетия была всё та же отсылка к 28-му правилу Халкидонского собора, которым якобы именно Константинопольской Церкви «была предоставлена юрисдикция над епископами территорий за пределами Империи, называемыми “землями иноплеменников”» [Viscuso, 2006, 161]. Мелетий безапелляционно заявлял, что «каноническое право Вселенского патриархата на церкви диаспоры не подлежит никакому сомнению» [Viscuso, 2006, 168].

Присутствовавший на этом межправославном совещании представитель Сербской Церкви митрополит Гавриил Дожич был возмущён подобными высказываниями и извещал синод своей Церкви о неумных стремлениях «мегаломана и шовиниста» патриарха Мелетия «на основании 28 канона IV Вселенского собора прибрать в свои руки и настолько ограничить остальные православные церкви, что

вне границ отведённых им территорий они не могли бы ничего делать, даже вмешиваться в церковные дела своих соплеменников» [Патриарх Српски, 2010, 573].

Поскольку столь несообразные притязания не просто оставались на бумаге, а служили основанием для конкретных действий Константинопольского патриархата, затрагивавших интересы всего мирового православия, они вызвали довольно быструю реакцию со стороны других поместных церквей, прежде всего – Русской, вынужденной устраивать за рубежом церковную жизнь множества беженцев из России.

В 1923 году в официальном издании Русского зарубежного синода вышла статья С.В. Троицкого «Юрисдикция Цариградского Патриарха в областях диаспоры» [Троицкий, 1923]. Автор называл теорию об исключительном праве Константинопольского патриархата на диаспору «ошибочным богословским мнением» [Троицкий, 1923, 11–12, 7] и «новшеством, не согласным ни с текстом, ни с духом канонов и вообще всего церковного законодательства Православной Церкви» [Троицкий, 1923, 17–18, 11], справедливо замечая, что «вся история православной церкви является её фактическим опровержением» [Троицкий, 1923, 11–12, 7].

По словам автора, текст 28-го правила, на который ссылаются греки, вообще исключает возможность понимать его «в смысле предоставления Цариградскому патриарху исключительного права рукополагать епископов везде вне границ автокефальных церквей» [Троицкий, 1923, 17–18, 9]. Троицкий писал:

*«Правило не говорит: “от престола Константинопольской Церкви да поставляются епископы у всех вообще иноплеменников” <...>, то есть везде, вне границ империи. Такое предписание было бы невозможно по существу, ибо оно лишило бы права миссии все остальные церкви, не исключая и римской, которая только что в самом же 28 правиле была поставлена выше Церкви Константинопольской. Нет, правило говорит, что Цариградом поставляются епископы у иноплеменников не всех вообще, а лишь у иноплеменников “вышеречённых областей”, то есть только что перечисленных в правиле диоцезов Понта, Азии и Фракии... Таким образом действительно Цариградская Церковь получила, благодаря 28 Халкидонскому правилу, новые права в отношении к диаспоре, но это расширение прав Цариграда имело лишь количественный, а вовсе не качественный характер. 28 Халкидонское правило вовсе не дало Цариградской Церкви каких-либо новых особых прав в этом отношении, не принадлежавших другим автокефальным церквям. Оно вовсе не дало ей **исключительно** права посылать епископов *in partes infidelium* и вовсе не лишило другие автокефальные церкви издревле присущего им и подтверждённого 2 правилом II Вселенского Собора права делать то же. Оно даже и частично не ограничивает права какой-либо другой автокефальной церкви делать это, а лишь отнимает это право у церквей, перестающих быть автокефальными, и передаёт его Цариграду, которому оно подчиняет эти Церкви, и передаёт в том именно объёме, в каком эти церкви имели»* [Троицкий, 1923, 17–18, 9–10].

Русский канонист, как кажется, вполне убедительно продемонстрировал бездоказательность подобных притязаний и пришёл к «печальному заключению, что современные притязания Цариграда на исключительную юрисдикцию над всей православной диаспорой могут быть объяснены или невежеством их защитников или их расчётами на невежество других» [Троицкий, 1923, 17–18, 12].

Не обращая внимания на встречные обвинения, Константинопольский патриархат продолжил и дальше усиливать свои амбиции, неуклонно требуя от других Церквей переводить все свои зарубежные приходы в юрисдикцию Фанара. Наибольший конфликт спровоцировало принятие в состав Константинопольской Церкви Западноевропейской митрополии Русской Церкви во главе с митрополитом Евлогием (Георгиевским). Отторжение части зарубежных приходов Московского патриархата оправдывалось ссылкой на мнимое право юрисдикции Константинопольской Церкви на территории Западной Европы и необходимостью таким образом восстановить надлежащий канонический порядок.

Подобные действия вызвали решительный протест со стороны священноначалия Русской Церкви как в России, так и за рубежом [Пузович, 2014]. В своём послании Константинопольскому патриарху митрополит Сергей (Страгородский) выступил с опровержением аргументации греческой стороны в пользу исключительного

права на всю православную диаспору [Послание, 1932]. Хотя заместитель местоблюстителя и допускал некоторую «разумность притязаний Константинополя на территорию Западной Европы», происходящую из его «положения как именно первого в союзе автокефальных Православных Церквей», тем не менее, он отмечал, что подобные претензии не только «не имеют для себя прочных канонических оснований» [Послание, 1932, 86], но и нарушают принцип равноправия всех автокефальных Церквей, согласно которому «в объёме канонических полномочий Православные Церкви, не исключая и Русской, равны между собою» [Послание, 1932, 87].

По сути митрополит Сергей отвергал оба аргумента, приводившиеся в защиту греческой теории ещё в пионерской работе архимандрита Григория Зигавиноса:

«Небесспорным представляется нам и утверждение послания, будто территория Западной Европы, где возникло дело митрополита Евлогия, подчинена юрисдикции Константинопольского Патриарха. 28-е правило IV Вселенского Собора совершенно точно определяет границы Константинопольского Патриархата: Фракия, Понт и проконсульская Азия и епархии “у иноплеменников вышеперечисленных областей, то есть по Вальсамону, Аланов и Россов, потому что аланы принадлежат к Понтийскому округу, а россы к фракийскому”, – другими словами, к тем округам около Чёрного моря, которые подчинены Константинополю. Варварские страны Западной Европы: Германия, Британия и другие – всегда принадлежали патриарху Римскому, хотя некоторые из них получили христианство непосредственно от Востока, минуя Рим. Так было до самого отпадения Римского Патриарха. После же его отпадения не было никакого общецерковного и для всех обязательного акта, которым территория Римского Патриархата присоединялась бы к Константинопольскому. Вот почему и Русская, и Элладская, и всякая другая автокефальная Церковь могла свободно учреждать в Западной Европе свои приходы и управлять ими. Никому и в голову не приходило, например, на освящение там храма испрашивать благословение Константинопольского Патриарха, как это обязательно делалось, например, в Палестине относительно Патриарха Иерусалимского или Александрийского в Египте» [Послание, 1932, 86].

Гораздо жёстче оказалась позиция главы зарубежного Синода митрополита Антония (Храповицкого). В письме Константинопольскому патриарху Фотию он прямо называл теорию об особых правах Вселенского патриарха на всю диаспору «папистской» и подчёркивал, что «попытки Вселенского Престола осуществить эти мнимые права Православные Автокефальные Церкви всегда единомысленно опротестовывали» [цит. по: Мазырин, Кострюков, 2017, 304]. В опубликованном тогда же обращении к православным русским людям митрополит Антоний заявлял, что претензии Константинополя рассчитаны «на совершенную неосведомлённость современников в канонах», и обвинял «окружение патриарха или так называемых фанариотов» в том, что они «потеряли всякую искреннюю веру в священные каноны» и «стараясь в надежде на неосведомлённость читателей поддержать таким нечестным способом авторитет Фанара» [Рклицкий, 1961, 251].

Подобные возражения, как и раньше, были оставлены без внимания, а греческие авторы, напротив, продолжили дальше развивать свои произвольные богословские построения, примером чего можно назвать работы митрополита Германа Гарофалидиса [Γερμανός, 1948] и Э. Фотиадиса [Φωτιάδης, 1948]. Эти тексты до сих пор воспринимаются в качестве адекватного выражения официальной позиции Константинопольской Церкви [Fouyas, 1987, 166–188; Dragas, 2017].

Параллельно в поддержку оспариваемой теории выступили перешедшие в юрисдикцию Константинопольской Церкви русские богословы⁶. Характерным для них стал отказ от явно неуместного привлечения в качестве аргумента 28-го правила Халкидонского собора⁷ и сосредоточение на первенствующем статусе Константинопольского патриарха, якобы наделяющем его определёнными правами на православную диаспору. Как писал тогда ещё священник А. Шмеман:

«Нам представляется вполне соответствующим всему духу православного канонического Предания, чтобы в местах православного рассеяния, где не существует местной Православной Церкви, необходимое поместное единство было

осуществлено через юрисдикцию Вселенского Патриарха как первого по чести епископа в Православной Церкви. Для доказательства правильности и “православности” этой мысли не требуется ни особой канонической экзегезы, ни исторической казуистики. Даже если не было бы 28-го правила Халкидонского собора (и действительно этот канон можно толковать по-разному, и в данном случае его можно вообще не употреблять) и других прецедентов, просто тот факт, что Вселенский Патриарх есть **первый** епископ, даёт все основания, чтобы именно он, а не кто иной, имел попечение о новых церковных образованиях, не достигших ещё возраста “автокефалии”» [Шмеман, 1950, 16].

Подобным образом и И. Мейендорф выводил юрисдикцию Константинопольского патриарха над православным рассеянием из некоего «векового предания» о первенствующем значении его кафедры:

«Нам представляется несомненным, что первенство Константинопольского престола, неопределимое в точных юридических категориях, но освящённое вековым преданием, вне зависимости от политического значения Константинополя, должно проявляться в верховном суде и в юрисдикции над православным рассеянием. Возражать здесь против тысячелетнего опыта Церкви кажется нам дерзновенным и рискованным» [Мейендорф, 1949, 8].

Заодно с ними и С.С. Верховской приписывал Константинопольскому патриарху право юрисдикции над ничейной территорией диаспоры не на основании 28-го правила Халкидонского собора, а исходя из его положения как высшего иерарха Православной церкви:

«В этом и значение 28-го правила Халкидонского Собора: оно ставит Константинопольского Патриарха вторым после Римского с подобными ему правами, но если Рим отпал от Церкви, то Константинопольский Патриарх естественно становится первым. Дело не в том, что одному принадлежит власть над всеми землями вне поместных церквей (28-е правило совсем об этом не говорит), а в том, что первенствующий Вселенский Патриарх имеет законное попечение о всех делах, которые не могут быть решены и устроены отдельными церквами» [Верховской, 1949, 16].

Апологеты подобного подхода искренно считали, что подчинение православных общин в диаспоре юрисдикции Константинопольского патриарха выводится из оснований православной экклесиологии. С практической точки зрения они рассуждали в логике, озвученной ещё патриархом Мелетием, будто соперничество православных церквей за диаспору может быть пресечено наделением лишь одной из них правом экстерриториальной юрисдикции. По словам отца А. Шмемана, подобный подход «освобождает церковную жизнь от введения в неё нецерковных – национальных, идеологических и др. – мотивов, которыми обычно оправдывается выбор той или иной “юрисдикции”» [Шмеман, 1950, 16]. Собственно, этим Константинопольская Церковь до сих пор и объясняет суть своей борьбы за диаспору, ведь именно таким образом она якобы служит единству и упорядоченности мирового православия, противостоя «мелочным» националистическим интересам других поместных церквей.

В защиту церковного учения по-прежнему выступил С.В. Троицкий посвятивший теме диаспоры в общей сложности тринадцать своих публикаций. Он больше не был столь сдержан в своих суждениях, как раньше. На этот раз претензии Константинопольской Церкви на диаспору он прямо называл «ложным греческим измышлением», «папистической» и «псевдо-канонической теорией». На слова Шмемана о том, что 28 канон «можно толковать по-разному», он возражал, что «всякий канон может иметь только один истинный смысл, и толковать каноны можно не “по-разному”, а сообразно с этим истинным смыслом, каковой и указан в толкованиях официальных канонических сборников самой же Константинопольской Церкви, – Пидалионе и Афинской Синтагме, не допускающих понимания 28 правила в смысле юрисдикции Константинопольской Церкви над всей диаспорой» [Троицкий, 1951, 19].

Троицкий обратил внимание на логическую ошибку в аргументации защитников греческой теории, апеллирующих при отстаивании права Константинопольской

Церкви на диаспору то к идее первенства Константинопольского патриарха, то к 28-му правилу Халкидонского собора, утвердившему за Константинопольским патриархом второе место:

«Ведь если это право основывается на 28 правиле IV-го Вселенского Собора, как утверждают греки, то значит оно не основывается на первенстве Константинопольского патриарха, что доказывают Верховской, о. Шмеман и др., так как в эпоху IV-го Вселенского Собора этот патриарх первенства в Церкви не имел. И наоборот, если это право основывается на первенстве Константинопольского патриарха, то так как в эпоху IV-го Вселенского Собора этого первенства он не имел, то, значит, 28 правило этого собора не могло дать ему юрисдикции над христианской диаспорой всего мира, другими словами, ошибочна вся аргументация греков, не говоря уже о том, что само по себе невероятно, чтобы собор дал иерарху, занимавшему тогда второе место среди предстоятелей автокефальных Церквей, право, которого не имел даже и первый иерарх – Римский Папа» [Троицкий, 1951, 19–20].

По мысли Троицкого, заявление о том, что одна Константинопольская Церковь обладает юрисдикцией на диаспору, нарушает принцип равноправия всех Церквей: «Ведь если поместные Церкви не могут иметь юрисдикции вне своей территории, то не может иметь такой юрисдикции и равная прочим, хотя и первая, Церковь Константинопольская. И наоборот, если <...> такую юрисдикцию имеет Церковь Константинопольская, то, значит, её могут иметь (и всегда имели) и все остальные поместные Церкви» [Троицкий, 1951, 22]. На самом же деле, по его словам:

«Никаких внешних земных границ церковные организации не имеют, а разграничены лишь между собою, лишь с такими же церковными организациями, и всякая Церковь потенциально может иметь юрисдикцию всюду вне других православных Церквей, и вся территория, находящаяся вне православных Церквей, является общим полем их миссии, каковую они не только могут, но и должны организовывать сообразно своим духовным и материальным средствам. <...> Церковно-государственная граница не имеет для Церкви такого значения, как чисто церковная граница, отделяющая одну поместную церковь от другой. Ведь всякая поместная Церковь является представительницей Церкви Вселенской и, как таковая, вне других поместных Церквей имеет юрисдикцию во всей вселенной и вне своих границ» [Троицкий, 1951, 23, 27].

Наконец, Троицкий резонно заметил, что для поддержания своих претензий Константинопольская Церковь не обладает ни надлежащими ресурсами, ни соответствующей инфраструктурой:

«Константинопольская Церковь располагает возможностями [научать все народы] в очень малой степени, как потому, что принадлежит к сравнительно малочисленной греческой народности, так и по малочисленности своих членов и по отсутствию у неё духовных и материальных средств для широкой миссионерской деятельности. Ведь нужно констатировать печальный, но несомненный факт, что за последние столетия Константинопольская Церковь не только не увеличилась в своём составе, но все время уменьшалась и уменьшалась... А при таких условиях подчинить всю православную диаспору юрисдикции Константинопольской Церкви <...>, это значит идти вопреки апостольскому запрещению «строить на чужом основании», лишать все остальные Церкви, проявившие себя миссионерской деятельностью, возможности продолжать эту деятельность, и, в конце концов, это значит, если не совершенно отказаться от дела православной миссии, то, во всяком случае, уменьшить её успехи до минимальных размеров» [Троицкий, 1951, 29–30].

Последний из главных аргументов, приводимых русскими апологетами греческой теории, которого практически не касался Троицкий, был опровергнут несколько позже самой жизнью. Имеется в виду приводившийся русскими богословами-эмигрантами тезис о наднациональности и аполитичности Константинопольской Церкви, позволяющих ей выступать в качестве незаинтересованной стороны в спорах вокруг православной диаспоры. Ирония судьбы состояла в том, что опровергать этот миф пришлось самим же его проводникам. Через много лет после

публикации своих ранних полемических статей, отец Александр вынужден был признать:

«Трагическая двусмысленность <...> как раз состоит в том, что Первоиерарх, чья функция – свидетельствовать о вселенскости Церкви, быть хранителем того “христианского эллинизма”, который предохраняет каждую Церковь от полного отождествления с “национализмом”, в то же время является для одной отдельной нации носителем и символом именно её национализма. Вселенское первенство становится первенством “греков”» [Шмеман, 2009, 568]⁸.

Подобно Шмеману и отец Иоанн Мейендорф спустя много лет с горечью отмечал:

«Наиболее трагичным в нынешней ситуации является то, что Константинопольский патриархат, чьё положение как “Вселенского патриархата” с очевидностью предполагает долг и обязанность возвышаться над национализмом, стал на самом деле главным инициатором этнических разделений» [Meuendorff, 1987, 55].

Не менее показательным был отзыв, данный отцом Иоанном Мейендорфом в 1984 году на проект документа Константинопольского патриархата о православной диаспоре [см.: Meuendorff, 2012]. В этом неопубликованном материале отец Иоанн касался 28-го канона Халкидонского собора и отмечал: «Я не могу (да, думаю, никакой объективный историк и не смог бы) игнорировать тот факт, что текст канона ограничивает эту ответственность землями, граничащими с “упомянутыми диоцедами”, а значит, не имеет в виду все “варварские” земли» (Remarks on the Contribution)⁹. Теперь он повторял и основной аргумент Троицкого: «Решение Вселенского патриархата не признавать автономию Японской Церкви – по той, понятно, причине, что Вселенский патриархат полагает, что все православные общины за границами существующих Церквей должны зависеть от Константинополя – является очевидно нереалистичным: Вселенский патриархат в одиночку (особенно в нынешней ситуации) едва ли сможет отвечать за все православные миссии повсеместно. Отрицание легитимности одной из немногих современных основанных в полном смысле слова на местном элементе миссионерских Православных Церквей, созданных благодаря истинно благовестническому подвигу православных миссионеров – является позицией, которую многим трудно понять» (Remarks on the Contribution). В конце своего отзыва отец Иоанн писал:

«Мне кажется, что закрепление <...> формального права повсеместной юрисдикции [Константинопольского патриарха] (за пределами существующих автокефальных Церквей) является нереалистичным и тем самым вредным для чаемого возрождения экклесиологического сознания. В качестве формальных прав подобные привилегии сегодня открыто отвергаются не только славянскими и румынской Церквями, но по существу и Александрийским патриархатом и, конечно же, Антиохией. Да и сам Вселенский патриархат был достаточно последователен в заявлении подобных прав...» (Remarks on the Contribution).

Заключение

Постановка проблемы православной диаспоры пришлась на первую половину XX века, и именно тогда, по верному наблюдению А.В. Шишкова, «были отшлифованы основные аргументы полемизирующих сторон, которые используются при обсуждении проблемы православной диаспоры по сей день» [Шишков, 2016, 216]. Вместе с тем, церковная практика минувшего столетия стала красноречивым опровержением теории об исключительной юрисдикции одной церкви над всей православной диаспорой. Хотя греческие авторы продолжают заявлять о том, что каноническая власть Константинопольской Церкви распространяется на все территории, не входящие в границы других православных церквей, по инерции апеллируя к каким-то мнимым преимуществам, многие уже не воспринимают подобные претензии всерьёз [Barbu, 2012]. По резонному замечанию протопресвитера В. Борового: «Все “канонические” основания, приводимые сторонниками всемирной юрисдикции Константинополя над всей православной диаспорой для оправдания и обоснования его притязаний и односторонних действий, решительно не выдерживают спокойной, деловой, объективной критики. Таких оснований ни у Константинополя, ни у кого-либо другого нет и быть не может» [Боровой, 2016,

189]. Равным образом и архиепископ Финляндский Павел (Олмари) отмечал в своём получившем широкую известность выступлении, что «Константинополю следует отказаться от <...> теории о верховенстве Вселенского Престола над диаспорой во всём мире и отвергнуть речи о “варварских областях иноплеменников” как анахронизм» [Олмари, 1980–1981, 177].

Очевидно, что дальнейшие попытки продвижения этой ложной теории будут наносить всё больший урон авторитету греческого православия. Именно поэтому самой греческой богословской школе нужно найти в себе силы и признать ошибочность позиции Константинопольского патриархата, который больше других способствовал развитию и поддержанию неканонической ситуации в православной диаспоре: созданию параллельных юрисдикций и блокированию возможности оформления общин диаспоры в новые поместные церкви. И если действительно «общей волей всех Святейших Православных Церквей» является «решение проблемы диаспоры и её устройства согласно православной экклесиологии, канонической традиции и практике Православной Церкви», – как говорится в соответствующем документе Критского собора [Православная диаспора, 2016], – то очевидно, что псевдоканонические притязания Константинопольского патриархата не имеют к достижению этой цели никакого отношения.

Библиографический список

1. Болотов, В.В. Собрание церковно-исторических трудов. В 8-ми кн. / В.В. Болотов. – М.: Мартис, 2002. – Т. 4 – 422 с.
2. Боровой, В., протопр. К вопросу о православной диаспоре / В. Боровой // Церковь и время. – 2016. – Т. 77. – С. 165–202.
3. Верховской, С.С. О каноническом положении экзархата / С.С. Верховской // Церковный вестник Западно-Европейского Православного Русского Экзархата. – 1949. – № 21. – С. 8–20.
4. Дымша, С., прот. Константинопольская Православная Церковь перед лицом истории и священных канонов / С. Дымша // Вестник ленинградской Духовной академии. – 1990. – № 1. – С. 107–124.
5. Кузенков, П.В. Канонический статус Константинополя и его интерпретация в Византии / П.В. Кузенков // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. – 2014. – Вып. 53. – С. 25–51.
6. Мазырин, А., свящ. Из истории взаимоотношений Русской и Константинопольской Церквей в XX веке / А. Мазырин, А.А. Кострюков. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2017. – 375 с.
7. Мейендорф, И. Константинополь и Москва / И. Мейендорф // Церковный вестник Западно-Европейского Православного Русского Экзархата. – 1949. – № 16. – С. 5–9.
8. Мейендорф, И., протопр. Вселенский патриархат вчера и сегодня / И. Мейендорф // Церковь в истории: статьи по истории Церкви. – М., 2018. – С. 787–804.
9. Мейендорф, И., протопр. Халкидониты и нехалкидониты: последние шаги к объединению / И. Мейендорф // Пасхальная тайна: статьи по богословию / И.В. Мамаладзе: Сост. – М., 2013. – С. 362–383.
10. Неменский, О.Б. Русь и Константинополь в западнорусской полемической литературе после Брестской церковной унии 1596 г. / О.Б. Неменский // Вестник МГУ. – Серия 8. История. – 2010. – № 5. – С. 14–23.
11. Никон (Рклицкий), еп. Жизнеописание Блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого / Никон (Рклицкий). – Нью-Йорк, 1961. – Т. 7 – 424 с.
12. Павел [Олмари], архиепископ Карельский и вся Финляндии. Предложения по решению проблемы православной диаспоры / Павел [Олмари] // Вестник Русского Западно-Европейского патриаршего экзархата. – 1980–1981. – № 105–108. – С. 159–178.
13. Патриарх Српски Др Гаврило Дожий. Живимо у светињи и слободи: изабрани списи, посланице, беседе, акта, писма и записи. – Цетиње; Београд, 2010. – 685 с.
14. Послание Заместителя Константинопольскому Патриарху (от 15 октября 1931 года за № 7623) // Журнал Московской Патриархии. – 1932. – Вып. 7–8. – С. 85–88.
15. Православная диаспора [Электронный ресурс] // Документы Святого и Великого Собора. – URL: <https://www.holycouncil.org/-/diaspora> (дата обращения 14.11.2018).
16. Пузович, В. Константинопольский патриархат и православная диаспора в XX в.: полемика вокруг создания экзархата православных русских церквей в Западной Европе / В. Пузович // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. – 2014. – Вып. 55. – С. 26–44.

17. Скурат, К., проф. Константинопольский Патриархат и проблема диаспоры / К. Скурат // Журнал Московской Патриархии. – 1989. – № 9. – С. 60–63.
18. Струве, Н. Письма о. Александра Шмемана о. Игорю Вернику / Н. Струве // Вестник русского христианского движения. – 2015. – № 203. – С. 136–152.
19. Суворов, В.Г., прот. Каноны Халкидонского Собора как обоснование прав Константинопольского Престола на диаспору в русской православной традиции 20 – нач. 21 в. / В.Г. Суворов // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2017. – № 12. – С. 69–74.
20. Троицкий, С. Церковная жизнь на православном греческом Востоке в минувшем году / С. Троицкий // Странник. – 1910. – Март. – С. 468–490.
21. Троицкий, С. Экклезиология парижского раскола / С. Троицкий // Вестник Русского Западно-Европейского Патриаршего Экзархата. – 1951. – № 7–8. – С. 10–33.
22. Троицкий, С. Юрисдикция Цариградского Патриарха в областях диаспоры / С. Троицкий // Церковные ведомости. – 1923. – № 11–12. Прибавления. – С. 7; 1923. – № 17–18. Прибавления. – С. 8–12.
23. Шишков, А. Спорные экклезиологические вопросы повестки Всеправославного собора и проблема верховной власти в Православной церкви / А. Шишков // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2016. – № 34. – С. 210–254.
24. Шмеман, А., протопр. Знаменательная буря: несколько мыслей об автокефалии, церковном Предании и экклезиологии [1971] / А. Шмеман // Собрание статей. 1947–1983 / Е.Ю. Дорман: Сост. – М., 2009. – С. 550–572.
25. Шмеман, А., свящ. О «неопапизме» / А. Шмеман // Церковный вестник Западно-Европейского Православного Русского Экзархата. – 1950. – № 26. – С. 11–18.
26. Шпиллер, В., прот. 6-я краткая памятная историко-каноническая записка о константинопольской патриархии в связи с титулованием её «вселенской» // Богословский сборник. – 2002. – № 10. – С. 172–194.
27. Barbu, Ș. Orthodox Diaspora in the Context of the Debates over Primacy / Ș. Barbu // Studii Teologice. – 2012. – № 1. – P. 5–22.
28. Bartas, G. Chez les Grecs orthodoxes / G. Bartas // Échos d'Orient. – 1908. – T. 11. – № 68. – P. 50–58.
29. Dragas, A. The Constantinople and Moscow Divide. Troitsky and Photiades on the Extra-Jurisdictional Rights of the Ecumenical Patriarchate // Θεολογία. – 2017. – Т. 88, 4. – С. 135–190.
30. Methodios Fouyas, archbishop. Theological and historical studies. A collection of minor works / Methodios Fouyas. – Athens, 1987. – Vol. 10. – 479 p.
31. Meyendorff, J. The Vision of Unity / J. Meyendorff. – Crestwood, N.Y.: St Vladimir's Seminary Press, 1987. – 192 p.
32. Meyendorff, P. Fr John Meyendorff and the Autocephaly of the Orthodox Church in America / P. Meyendorff // St. Vladimir's Theological Quarterly. – 2012. – № 56, 3. – P. 335–352.
33. Remarks on the Contribution – Remarks on the Contribution of the Ecumenical Patriarchate to the Discussion of the Topics: “Autocephaly and Autonomy in the Orthodox Church and the Manner of their Proclamation” and “The Orthodox Diaspora” [1984] (Archives of the Orthodox Church in America, Manuscript Division, Personal Papers of Protopresbyter John Meyendorff).
34. Viscuso, P. A Quest for Reform of the Orthodox Church: The 1923 Pan-Orthodox Congress: An Analysis and Translation of Its Acts and Decisions / P. Viscuso. – Berkeley: InterOrthodox Press, 2006. – 205 p.
35. Γερμανός, μητροπολίτης Αΐνου. Οικουμενικὸν Πατριαρχεῖον καὶ αἱ ἐν τῇ Διασπορᾷ Ὀρθόδοξοι Ἐκκλησίαι. – Ἀθήναι, 1948.
36. Γρηγόριος Ζιγαβηνός, ἀρχμ. Περί τῶν ἐν τῇ διασπορᾷ ὀρθοδόξων Ἐκκλησιῶν καὶ παροικιῶν / Γρηγόριος Ζιγαβηνός // Ἐκκλησιαστικὴ ἀλήθεια. – 1907. – Αριθ. 4. – Σ. 41–46; Αριθ. 6. – Σ. 86–92.
37. Πηδάλιον τῆς νοητῆς νηός. – Ἐν Ἀθήναις, 1886⁴.
38. Σύνταγμα τῶν θεῶν καὶ ἱερῶν κανόνων. Τ. 6. – Ἐν Ἀθήναις, 1859.
39. Φωτιάδης, Ε. Ἐξ ἀφορμῆς ἐνὸς ἄρθρου // Ὀρθοδοξία. – 1948. – Ἔτος 23, τεύχ. 7–9. – Σ. 210–240.

Текст поступил в редакцию 15.11.2018.

---

¹ На период V века как раз приходится разгар массового переселения варварских народов вглубь Малой Азии, и тем самым – в диоцезы, определённые Халкидонским собором в качестве области юрисдикции Константинопольского архиепископа. Размещение таких компактных людских масс происходило, как правило, вне населённых пунктов, имевших устойчивую церковную организацию. Как федераты Римской империи такие «варвары» обыкновенно напрямую подчинялись центральному,

а не местным властям, что по аналогии делало их и в церковно-административном отношении подчинёнными центральных властей, в данном случае – Константинопольского архиепископа, а не местных митрополитов. Потому в каноне и говорится о праве патриарха напрямую поставлять для варварских народов особых епископов, – но именно епископов, а не митрополитов, – в то время как прочие епископы названных трёх диоцезов, согласно тому же канону, подчинялись собственным митрополитам.

² Болотов прямо говорит о «перетолковании» данного правила в последующей традиции [Болотов, 2002, 241].

³ См., например, мнение С. В. Троицкого: «Ссылки на 28 правило халкидонского собора есть не более, как курьёз. Это правило имело в виду варварские народы только в пределах греко-римской империи. Позднейшие греческие толкователи, желая оправдать власть греческой церкви над русской, заявили, что собор разумел здесь россов и аланов, о существовании которых собор, вероятно, и не подозревал и, наконец, новейшие защитники греческого национализма расширяют сферу приложения этого правила уже на весь мир! Разумеется, защищать такую отчаянную точку зрения можно только состоя на службе у греков или отстаивая теорию восточного папизма» [Троицкий, 1910, 488–490].

⁴ См., например: «Только Вселенский престол в силу 28-го канона IV Вселенского собора наделён правом осуществления такой юрисдикции» [Εκκλησιαστικὴ ἀλήθεια, 1922, 414].

⁵ Данная формула включена в обоснование почти всех сомнительных актов Константинопольской Церкви тех лет, например, в тексты томосов об учреждении Американской [Εκκλησιαστικὴ ἀλήθεια, 1922, 220], Чехословацкой [Εκκλησιαστικὴ ἀλήθεια, 1923, 70], Финляндской и Эстонской церковных областей [Εκκλησιαστικὴ ἀλήθεια, 1923, 253, 255] и др.

⁶ Для надлежащей оценки позиции русских эмигрантских богословов важно помнить, что до начала конфликта митрополита Евлогия с московскими церковными властями он и его окружение декларировали решительное неприятие фанариотского проекта о подчинении всей диаспоры Константинопольскому патриарху. В 1924 году митрополит Евлогий заявлял: «... Мы отвергаем то неправильное мнение, по которому все Православные Церкви должны ограничивать свою власть территориальными пределами свои государств, а всё, что выходит за эти пределы подлежит юрисдикции Константинопольского Патриарха. Такого права церковные каноны не дают Константинопольскому Патриарху, ибо упомянутое 28 правило IV Вселенского Собора говорит лишь о его праве поставлять епископов только в областях Понта, Азии, Фракии и у иноплеменников вышеуказанных областей» [Последние новости, 1924, 11 июля, 3].

⁷ «Поддерживая идею преимущественной ответственности первенствующего Константинопольского Престола за диаспору, [русские богословы “евлогианской” ориентации] так же не считали обоснованными ссылки на 28-й халкидонский канон для обоснования этих преимуществ. <...> Несмотря на церковные и политические разногласия между русскими богословами разных юрисдикций, в целом они оказались едиными в трактовке 28-го халкидонского канона как не являющегося основанием исключительных прав Константинопольского первоиерарха на диаспору» [Суворов, 2017, 73].

⁸ В личной переписке отец Александр и вовсе отрекался от своих ранних идей [Струве, 2015].

⁹ Отец Иоанн и в других работах выступал против неправильной трактовки 28-го правила [Мейендорф, 2013, 710; Мейендорф, 2018, 803].

References

1. Barbu Ș. *Studii Teologice*, 2012, vol. 1, pp. 5–22.
2. Bartas G. *Échos d'Orient*, 1908, vol. 68, pp. 50–58.
3. Bolotov V.V. *Sobranie tserkovno-istoricheskikh trudov* [Collection of Church-Historical Works]. Moscow, 2002, vol. 4 (in Russian).
4. Borovoy V. *Tserkov' i vremya* [Church and Time]. 2016, vol. 77, pp. 165–202 (in Russian).
5. Dragas A. *Theologia*. 2017, vol. 88, 4, pp. 135–190.
6. Dymsha S. *Vestnik leningradskoy Dukhovnoy akademii* [Bulletin of Leningrad Spiritual Academy]. 1990, vol. 1, pp. 107–124 (in Russian).
7. *Germanoc, mhtropolhthc Ainou. Oikoumenikon Patriarcheion kai ai en th Diaspora Orthodoxoi Ekkhhsiai* [The Ecumenical Patriarchate and Orthodox churches in diaspora]. Athens, 1948 (in Greek).
8. Grhgorioc Zigabhnoc, archim. *Ekkhhsiaσtikh alhtheia*. 1907, vol. 4, pp. 41–46; vol. 6, pp. 86–92 (in Greek).
9. Kuzenkov P.V. *Vestnik PSTGU. Seriya I: Bogoslovie. Filosofiya* [Bulletin of St.Tikhon's University. Series I: Theology. Philosophy]. 2014, vol. 53, pp. 25–51 (in Russian).
10. Mazyrin A., Kostryukov A.A. *Iz istorii vzaimootnosheniy Russkoy i Konstantinopol'skoy Tserkvey v XX veke* [From History of the Relations between Russian and Constantinople Churches in the 20th century]. Moscow, 2017 (in Russian).
11. Methodios Fouyas, archbishop. *Theological and historical studies*. A collection of minor works, Athens, 1987, vol. 10.
12. Meyendorf I. *Tserkovnyy vestnik Zapadno-Evropeyskogo Pravoslavnogo Russkogo Ekzarkhata* [Church Bulletin of West-European Russian Orthodox Exarchate]. 1949, vol. 16, pp. 5–9 (in Russian).
13. Meyendorf I. *Paskhal'naya tayna: stat'i po bogosloviyu* [The Easter's Mystery: Paper on Theology]. Moscow, 2013, pp. 703–711 (in Russian).

14. Meyendorf I. *Tserkov' v istorii: stat'i po istorii Tserkvi* [Church in History: Papers on the History of the Church]. Moscow, 2018, pp. 787–804 c
15. Meyendorff J. *The Vision of Unity*. New York: St Vladimir's Seminary Press, 1987.
16. Meyendorff P. *St. Vladimir's Theological Quarterly*. 2012, vol. 56, 3, pp. 335–352.
17. Nemenskiy O.B. *Vestnik MGU. Seriya I: Istoriya* [Bulletin of Lomonosov Moscow State University. Series I: History]. 2010, vol. 5, pp. 14–23 (in Russian).
18. Nikon (Rklitskiy), ep. *Zhizneopisanie Blazhenneyshego Antoniya, mitropolita Kievskogo i Galitskogo* [Biography of His Beatitude Anthony Metropolitan of Kiev and Galicia]. New York, 1961, vol. 7 (in Russian).
19. *Patrijarkh Srpski Dr Gavriilo Dozhich. Zhivimo u svetinji i slobodi: izabrani spisi, poslanitse, besede, akta, pisma i zapisi* [Serbian Patriarch Dr Gabriel Dozhich. We live in Sacred Place and Freedom: Selected Works, Messages, Conversations, Documents, Letters and Notes]. Tsetinje; Belgrad, 2010 (in Serbian).
20. Pavel [Olmari], arkhiep. *Vestnik Russkogo Zapadno-Evropeyskogo patriarshego ekzarkhata* [Bulletin of Russian West-European Patriarch Exarchate]. 1980–1981, vol. 105–108, pp. 159–178 (in Russian).
21. *Phdalion the nothc nhoc* [The Rudder of the metaphorical ship]. Athens, 1886 (in Greek).
22. Photiadhs E. *Orthodoxia*. 1948, vol. 23, 7–9, pp. 210–240 (in Greek).
23. *Remarks on the Contribution – Remarks on the Contribution of the Ecumenical Patriarchate to the Discussion of the Topics: “Autocephaly and Autonomy in the Orthodox Church and the Manner of their Proclamation” and “The Orthodox Diaspora”* [1984] (Archives of the Orthodox Church in America, Manuscript Division, Personal Papers of Protopresbyter John Meyendorff).
24. *Zhurnal Moskovskoy Patriarkhii* [Moscow Patriarchate]. 1932, vol. 7–8, pp. 85–88 (in Russian).
25. *Dokumenty Svyatogo i Velikogo Sobora* [Records of the Holy and Great Council]. Available at: <https://www.holycouncil.org/-/diaspora> (accessed: November 16, 2018) (in Russian).
26. Puzovich V. *Vestnik PSTGU. Seriya I: Bogoslovie. Filosofiya* [Bulletin of St.Tikhon's University. Series I: Theology. Philosophy]. 2014, vol. 55, pp. 26–44 (in Russian).
27. Schmemmann A. *Sobranie statey. 1947–1983* [Collection of papers. 1947–1983]. Ed. E.Yu. Dorman. Moscow, 2009, pp. 550–572 (in Russian).
28. Schmemmann A. *Tserkovnyy vestnik Zapadno-Evropeyskogo Pravoslavnogo Russkogo Ekzarkhata* [Church Bulletin of West-European Russian Orthodox Exarchate]. 1950, vol. 26, 11–18 (in Russian).
29. Shishkov A. *Gosudarstvo, religii, tserkov' v Rossii i za rubezhom* [State, Religion, Church in Russia nad Abroad]. 2016, vol. 34, pp. 210–254 (in Russian).
30. Schpiller V. *Bogoslovskyy sbornik* [Theological Collection]. 2002, vol. 10, pp. 172–194 (in Russian).
31. Skurat K. *Zhurnal Moskovskoy Patriarkhii* [Journal of Moscow Patriarchate]. 1989, vol. 9, pp. 60–63 (in Russian).
32. Struve N. *Vestnik russkogo khristianskogo dvizheniya* [Bulletin of the Russian Christian Movement]. 2015, vol. 203, pp. 136–152 (in Russian).
33. Suvorov V. G. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series: Humanities]. 2017, vol. 12, pp. 69–74 (in Russian).
34. *Syntagma tw n theiwn kai ierwn kanonwn* [Constitution of the holy and sacred canons]. Athens, 1859, vol. 6 (in Greek).
35. Troitskiy S. *Strannik* [Wanderer]. 1910, vol. 3, pp. 468–490 (in Russian).
36. Troitskiy S. *Tserkovnyye vedomosti* [Church Bulletin]. 1923, vol. 11–12 Add., p. 7; 1923, vol. 17–18 Add., pp. 8–12 (in Russian).
37. Troitskiy S. *Vestnik Russkogo Zapadno-Evropeyskogo Patriarshego Ekzarkhata* [Bulletin of Russian West-European Patriarch Exarchate]. 1951, vol. 7–8, pp. 10–33 (in Russian).
38. Verkhovskoy S.S. *Tserkovnyy vestnik Zapadno-Evropeyskogo pravoslavnogo russkogo ekzarkhata* [Church Bulletin of West-European Russian Orthodox Exarchate]. 1949, vol. 21, pp. 8–20 (in Russian).
39. Viscuso P. *The Quest for Reform of the Orthodox Church: The 1923 Pan-Orthodox Congress: An Analysis and Translation of Its Acts and Decisions*. Berkeley, 2006.